

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu.2016.2.1>УДК 81'42
ББК 81.055Дата поступления статьи: 21.12.2015
Дата принятия статьи: 24.02.2016**ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА В ДИАХРОНИИ И СИНХРОНИИ****Эльвира Николаевна Акимова**

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка,
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева
kafedragusyaz@mail.ru
ул. Большевикская, 68, 430005 г. Саранск, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы лингвистики текста в диахроническом и синхронном аспектах. Отмечено, что историческая лингвистика текста как целостное учение в отечественном языкознании до сих пор не создана, имеются лишь отдельные работы по конкретным вопросам. Описаны особенности применения термина «дискурс» в диахронических исследованиях; приведены многочисленные дефиниции понятия «текст». Принципиальная невозможность дать общепринятое определение текста объясняется сложностью и многосторонностью самого объекта, который характеризуется разнообразными функциями, являясь и средством коммуникации, и способом хранения и передачи информации, и отражением психической жизни индивида, и продуктом какой-либо исторической эпохи, и формой существования культуры, и отражением социокультурных традиций. Определены основные признаки средневекового письменного текста – достоинство и норма. Охарактеризованы последовательно сменявшие друг друга средневековые теории текста – субстанциональная и рационалистическая. Поскольку для языковой диахронии не релевантны некоторые текстовые единицы (фраза, строфа), обосновывается применение для анализа термина «структурно-смысловой блок». Освещен дискуссионный вопрос современной теории текста, связанный с количеством и составом текстовых категорий, который и в синхронии, и в диахронии решается неоднозначно. В частности, в связи с анфиладным принципом организации средневековых сборников иначе интерпретируются категории цельности и замкнутости (законченности) текста.

Ключевые слова: лингвистика текста, диахрония, синхрония, дискурс, категория текста, единица текста, структурно-смысловой блок.

Задачи диахронического изучения текста как целостного объекта были сформулированы еще В.В. Виноградовым, писавшим о не-

обходимости разработки «исторической типологии композиционных форм речи как систем языковых объединений, которые встречаются-

ся в ткани литературно-художественных произведений той или иной эпохи. Изучение этих основных типов естественно предполагает группировку не самих литературных произведений, а отвлеченных от них однородных форм словесной композиции, в общелингвистическом плане – на фоне эволюции композиционных жанров прагматической речи. Это учение не о структуре художественных единств, а о структурных формах речи, которые наблюдаются в организации литературных произведений. И его задача – установить закономерности в их построении как систем языковых отношений» [8, с. 70].

Тем не менее филологи считают, что «в историческом языкознании лингвистика текста как самостоятельное научное направление в изучении языка так и не сформировалось» [25, с. 23], хотя единичные работы в этой области имеются (см.: [3; 12–14]).

При этом в синхронном языкознании за почти четыре десятилетия существования лингвистики текста как отдельного направления отечественными учеными создано большое количество трудов, в которых предложены «глобальные» концепции текста, однако крайне незначительным остается число работ по грамматике текста. «Русской грамматики текста до сих пор не создано, – пишет М.Я. Дымарский, – хотя именно на русском материале Н.С. Поспеловым была впервые поставлена проблема сложного синтаксического целого, то есть проблема грамматической единицы текста – центральная для этой дисциплины. Грамматика текста, или текстообразование, по праву может считаться специфической отраслью именно русской версии лингвистики текста: в западноевропейской и, тем более, американской версиях учение о собственно языковой организации текста никогда не выделялось в особую ветвь. Что же касается учения о “сверхпредложенческих единствах”, составляющих ядро грамматики текста, то аналогов ему в западной лингвистике просто нет» [11, с. 3].

Текстообразование трактуется как область лингвистики текста, в которой исследуются собственно языковые закономерности организации текста и которая традиционно именуется грамматикой текста, или теорией текстообразования. В ее основе лежат идеи,

сформулированные в трудах М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, Л.В. Щербы, В.Г. Адмони, Г.Н. Акимовой, И.В. Арнольд, Н.Д. Арутюновой, И.Р. Гальперина, С.И. Гиндина, Т.М. Дридзе, Г.А. Золотовой, С.Г. Ильенко, Г.В. Колшанского, Л.М. Лосевой, О.И. Москальской, Т.М. Николаевой, Н.С. Поспелова, Е.А. Реферовской, Т.И. Сильман, Н.А. Слюсаревой, Г.Я. Солганика, Ю.С. Степанова, З.Я. Тураевой, Х. Вайнриха, А. Вежбицкой, К. Гаузенблаза, Ф. Данеша, Т.А. ван Дейка, В. Дресслера, Кв. Кожевниковой, Й. Мистрика, Р. Харвега, М.А.К. Хэллдея, З. Шмидта и мн. др.

Обобщенно эти идеи можно представить в следующих тезисах:

– текст как процесс обеспечен исходной установкой на создание некоего целого, которое, по мнению его создателя, завершено относительно первоначального замысла автора;

– текст как продукт воплощает в материальной форме исходную установку на создание заверщенного целого;

– текст представляет собой системно-структурное образование, его упорядоченная (иерархическая) организация обеспечивается глубинной и поверхностной, локальной и глобальной связностью, что в итоге становится необходимым условием адекватной реконструкции целого его получателем; в идеале упорядоченность текста – это прямое и взаимнооднозначное соответствие его внутренней смысловой структуры его внешней, поверхностной структуре, поскольку каждый сегмент текста подчинен выражению соответствующего сегмента смысловой структуры; в реальности упорядоченность текста – это понятие градуальное, и конкретные тексты существенно различаются по степени упорядоченности, однако общее требование упорядоченности и иерархичности структуры является безусловной доминантой процесса текстообразования и лежит в основе закономерностей этого процесса;

– текст есть особая, но не единственная форма выражения смыслового содержания. Специфика текста заключается в том, что это развернутая форма, которая предполагает расчленение исходного смыслового континуума (замысла) на ряд составляющих, – в отличие от неразвернутых форм, которые позволяют

представить смысловое содержание как нечленимое целое. При создании текста используются исключительно возможности языка, поэтому в его организации значительную роль играют средства делимитации и интеграции;

– связность текста обеспечивают прежде всего типизированные средства: строевые единицы, универсальные и специализированные коннекторы, многочисленные вспомогательные средства и т. д.;

– текст как процесс и как продукт – тесно связанные, но существенно различные стороны одного явления;

– текст «устный» и текст «письменный» – это различные понятия, поскольку один и другой реализуют глубоко отличные друг от друга формы речи.

В лингвистике в последние десятилетия стал широко употребляться термин «дискурс», который трактуется весьма многообразно и очень часто не только конкурирует с понятием текста, но и вытесняет его. Обзор различных трактовок содержания термина «дискурс» (А.-Ж. Греймас, Ж. Курте, Ж.-К. Коке, М. Фуко, Н.Д. Арутюнова, Н.Д. Бурвикова, В.Г. Костомаров, Е.В. Какорина, П. Серио, Ю.С. Степанов, Н.А. Слюсарева, В.А. Кох, Т.А. ван Дейк и др.) показывает, что в качестве основного признака дискурса все исследователи называют процессность. Это означает не просто наличие у него признака временной протяженности, а невозможность существования дискурса вне прикрепленности к реальному, физическому времени, в котором он протекает. Именно в этом смысле дискурс противопоставляется тексту – фиксированному результату, продукту, который в принципе самодостаточен и может работать как «генератор смыслов». В отличие от дискурса, текст лишен прикрепленности к реальному времени, а связан с ним косвенно, опосредованно. Текст существует в физическом времени не сам по себе, а лишь в оболочке материального объекта – носителя. Собственно же текст существует не в этом времени, а в обратимом семиотическом времени – пространстве культуры.

По причине отсутствия единства в понимании и интерпретации дискурса расходятся и предлагаемые учеными типологии дискурса.

Большинство лингвистов разграничивают в первую очередь устный и письменный

дискурсы, распадающиеся на национальные дискурсы (итальянский, немецкий, русский и др.). Национальный дискурс может быть представлен как совокупность дискурсов – поэтического, эстетического, научного, критического, педагогического, юридического, политического и других. На разных основаниях выделяются подтипы (разновидности) национальных дискурсов: с учетом функционально-стилевой дифференциации языка различаются бытовой, научный, деловой, художественный и публицистический дискурсы; с учетом сферы общения – политический, педагогический, юридический, военный и прочие виды; в соответствии с выражаемой интенцией – информационный, интерпретационный, инструментальный и другие дискурсы; с учетом реализации вымышленных или реальных действий различаются литературный дискурс, который в свою очередь подразделяется на фантастический, реалистический и др., и нелитературный дискурс, распадающийся на научный, рекламный, информационный, законодательный и др.; с прагматической точки зрения дискурс подразделяется на оценочный, критический, этический и пр. В современных исследованиях все чаще упоминаются религиозный дискурс, виртуальный дискурс (текст, погруженный в ситуацию общения в виртуальной реальности), а также дискурсы СМИ и PR.

Возможности применения термина «дискурс» в диахронических исследованиях по-разному оцениваются лингвистами. Так, Н.Д. Арутюнова, определяя дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; “речь, погруженную в жизнь”», считает, что «термин “дискурс”, в отличие от термина “текст”, не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [2, с. 137]. Противоположного мнения придерживается А. Вежбицка, отмечая: «Пора признать, что надлежащее понимание текстов, источники которых лежат в отдаленных от нас культурах, требует, среди прочего, некоторого внимания к сопоставительно-культурной прагматике и некоторого сознания того, сколь различными могут быть “культурно обусловленные сценарии”, господствующие в различных обществах» [7, с. 765–766].

Если понимать дискурс как связный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами определенной исторической эпохи, а также как текст в его интерпретационной потенции, то вполне возможно и перспективно использование этой дефиниции для описания фактов языковой диахронии. Кроме того, большинство древнерусских текстов в силу их повествовательного характера могут быть отнесены к художественному дискурсу, который представляет собой развернутый, предельно насыщенный смыслами диалог автора, читателя и текста, выявляющий взаимодействие авторских интенций, сложного комплекса возможных реакций читателя и интертекстуальной структуры текста, вводящей произведение в безграничное пространство культуры¹. Художественный дискурс реализуется в сложном идейно-тематическом единстве рассеянного в интертекстуальном пространстве культуры неопределенного множества литературных произведений, которые динамически взаимодействуют в границах соответствующего культурно-исторического контекста.

Именно поэтому лингвистический анализ древнерусского текста, в отличие от аналогичного анализа произведений современной художественной литературы, требует, кроме лингвистического комментария, комментария исторического, историко-литературно-культурного.

Таким образом, текст сложнее дискурса, поскольку включает в свернутом виде не только все элементы коммуникативного акта, но и сигналы для их дешифровки. «Дискурс в филогенезе предшествует тексту, подобно тому как диалог предшествует монологу, а речь – языковой системе» [11, с. 13].

Текст, как и дискурс, трактуется по-разному. Зарубежные лингвисты понимают под текстом, например, речевой акт или ряд связанных речевых актов, которые осуществляются индивидом в определенной ситуации, представляют собой текст, устный или письменный (Е. Косериу). По мнению Хэллдея, текст – основная единица (*fundamental unit*) семантики, и ее нельзя определить как сверхпредложение. Текст представляет собой актуализацию потенциального (*actualized*

potential). А. Греймас подходит к проблеме текста с позиций порождающей грамматики, определяя дискурс (текст) как единство, которое расщепляется на высказывания и не является результатом их сцепления (*concatenation*). П. Гиро сближает понятия «текст» и «стиль», считая, что текст – это структура, замкнутое организованное целое, в рамках которого знаки образуют систему отношений, определяющих стилистические эффекты этих знаков (подробно о названных и других подходах к тексту см.: [23]).

В отечественной лингвистике также можно обнаружить разные дефиниции характеризуемого термина. Г.Г. Москальчук дает весьма лаконичное определение: «Текст представляет собой последовательность предложений (высказываний), упорядоченную человеком в целях передачи какой-то информации» [21, с. 14].

По мнению И.Р. Гальперина, многосторонность понятия «текст» заставляет определить его через выявление основных онтологических и функциональных признаков: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [10, с. 18].

А.А. Брудный определяет текст как адресованную, компактную, воспроизводимую последовательность знаков, развернутую по стреле времени, связно передающую некоторое содержание и обладающую смыслом, в принципе, доступным пониманию [6, с. 4].

В.В. Колесов, рассматривая текст с диахронических позиций, понимает его как «последовательность семантически выразительных знаков, построенную согласно правилам данного языка и образующую сообщение, идеологически важное для данной культуры» [14, с. 32].

Совершенно иной подход к тексту реализуется в семиотике, поскольку, во-первых, этим термином, помимо словесно-письменного типа выражения, названы и многие иные

(изобразительный, музыкальный, мифо-ритуальный, поведенческий и т. д.), во-вторых, текст трактуется как организованное семантическое пространство, поскольку основное внимание исследователей обращено на бытование и поведение в тексте языкового знака, а цель семиотического анализа состоит в декодировании некоторого общего, но неявно вербально выраженного смысла текста, то есть в своеобразной герменевтике [22, с. 32–39]. Однако семиотическое понимание категории текста критикуется учеными традиционного направления: по мнению М.Б. Храпченко, во-первых, ее содержание слишком аморфно и неясно для того, чтобы служить основанием, исходным началом для развития целого направления в современной науке; во-вторых, использование этой категории уже при анализе явлений культуры приводит ко многим недоразумениям и отнюдь не помогает их более глубокому восприятию и пониманию; в-третьих, при расширенном понимании знака и знаковых систем в сферу семиотических исследований включается труднообозримое количество явлений и процессов, возникает то, что обычно называют «дурной бесконечностью» [29, с. 326–329].

Несмотря на многочисленность определений текста как объекта лингвистического исследования, практически все они трактуют текст как некое структурированное по тем или иным законам единство, состоящее из языковых единиц, которые служат для передачи содержания, отвечающего целям коммуникации. Будучи сложным феноменом, текст характеризуется разнообразными функциями, являясь и средством коммуникации, и способом хранения и передачи информации, и отражением психической жизни индивида, и продуктом какой-либо исторической эпохи, и формой существования культуры, и отражением социокультурных традиций.

При диахроническом подходе большинство исследователей (вслед за Р. Пиккио) основными характеристиками средневекового письменного текста признают достоинство (*dignitas*) и норму [13, с. 10; 14, с. 11]. Достоинство – это способность возвещать боговдохновенную истину, оно определяет Средневековую норму, поскольку нормативным признается образец – текст, который обладает иде-

ологическим достоинством. В этой связи отметим, что практически до конца XVII в. господствовала субстанциональная концепция текста: в соответствии с основными положениями учения Платона об абсолютном мире текст воспринимался как нечто данное, как откровение, существующее не иначе, как в своей первоначальной, законченной и неизменяемой форме. Из этого постулата вытекали: теория абсолютного перевода и интерпретация текста как дихотомии «вопрос – толк»; особенности оформления текста в категориях статического пространства, вечного и тленного времени, символов и элативных форм без степеней сравнения; представление об эстетической категории прекрасного как идеальной красоте, не постигаемой чувствами. Основанную на учении Аристотеля рационалистическую концепцию текста как объекта, критически воспринимаемого субъектом, дал Симеон Полоцкий. «Правда» текста состоит в его постоянной конфронтации с познавательными способностями читателя и с развивающимся уровнем его познаний, а не в застывшем звучании. Новая концепция текста способствовала развитию компенсационной теории перевода и толкованию текста при помощи притч; позволила обосновать функционирование в тексте категорий движения, иерархии, меры, единого «цивилизованного» времени, наличие метафор и степеней сравнения, а также понимание красоты как гармонии [19, с. 272–282].

Единицы текстообразования – это строевые единицы текста, «устоявшиеся в данной культурно-письменной традиции формы языкового воплощения структурных компонентов авторского замысла – концептуально значимых смыслов, закрепляющие относительную автономность (автосемантию) образуемых на их основе компонентов текста и обладающие признаками относительной синтаксической замкнутости, временной устойчивости и регулярной воспроизводимости» [11, с. 20].

Основной минимальной единицей текста, выступающей в качестве его конституента, является сверхфразовое единство (СФЕ). Этот термин, используемый О.С. Ахмановой и И.Р. Гальпериным, имеет синонимы: сложное синтаксическое целое (А.М. Пешковский), компонент текста (И.А. Фигуровский),

прозаическая строфа (Г.Я. Солганик), синтаксический комплекс (А.И. Овсянникова), высказывание (*utterance*), монологическое высказывание, коммуникативный блок, дискурс (*discourse*) – термин пражских лингвистов, регистр (*register*), используемый представителями так называемых неофирсовской и эдинбургской школ.

Некоторые из единиц (фраза, строфа) оказываются не вполне релевантными при изучении текста в диахронии, поэтому мы предлагаем термин «структурно-смысловый блок» [1, с. 105–120], который, на наш взгляд, наиболее адекватно отражает суть явления.

В отрезках больших, чем предложение, обнаруживаются свои типологические закономерности, возводящие их в статус единиц языка. Эти закономерности не столь ригористичны, как в предложении, что отражается в более независимом положении отдельных частей по отношению друг к другу и к целому, в более свободном взаиморасположении частей, а СФЕ, как показано И.Р. Гальпериним, все же сковано какими-то ограничениями, наложенными самой системой языка [10, с. 68]. При этом СФЕ не является механической суммой предложений, а представляет собой качественно новое структурно-смысловое образование – его параметры существенно отличаются от параметров предложения, которое как бы растворяется в СФЕ, теряя свою самостоятельность даже в тех случаях, когда в нем отсутствуют дейктические элементы.

СФЕ изучается в семантическом, прагматическом, синтаксическом, функциональном аспектах. Наиболее разработанной является проблема соотношения частей единства, то есть план синтактики. С учетом различий в способах объединения самостоятельных предложений в более крупные единицы Г.Я. Солганик предложил выделять два основных структурных типа СФЕ: прозаические строфы с цепной связью между законченными предложениями, когда предложения сцепляются одно с другим последовательно, и прозаические строфы с параллельной связью между предложениями, когда предложения сопоставляются между собой, «при этом благодаря параллелизму конструкций в зависимости от лексического “наполнения” возможно сопоставление или противопостав-

ление» [26, с. 132]. В строении самих прозаических строф также различаются два плана: 1) собственно синтаксический, обнаруживающий внутреннюю структурную организацию строфы и связанный с синтаксическими средствами соединения предложений и 2) композиционно-тематический, определяющий внешний рисунок, контур строфы, характер развития мысли, темы.

В работах других исследователей выделено и большее количество основных типов грамматической связи в СФЕ, например: цепная, параллельная, лучевая, присоединительная, ситуативная, и большее количество основных типов СФЕ, например, по степени цельности единства: нечленимые, получленимые, членимые [28].

Некоторые исследователи предлагают рассматривать в качестве текстовых единиц более крупные, нежели СФЕ. Так, Т.М. Баталова объединяет два или несколько СФЕ в предикативно-релятивный комплекс, исходя из положения о том, что СФЕ, выделяемые на основании семантического критерия и относящиеся к одному тематическому плану текста, могут объединяться в единицы более высокого порядка как по смыслу, так и на основе определенных формальных связей. В зависимости от объема информации и функции в реализации общего коммуникативного задания элементы этой комплексной единицы делятся на предикативные – ведущие, определяющие, и релятивные – второстепенные, подчиненные [4].

В качестве единицы монологического текста многие современные лингвисты называют абзац [17, с. 49; 20, с. 30; 22, с. 18; 24, с. 52], однако для языковой диахронии это, по вполне понятным причинам, нерелевантно.

Еще один дискуссионный вопрос современной теории текста – количество и состав текстовых категорий, определяемых как «общий и существенный признак, который свойствен всем текстам и без которого не может существовать ни один текст» [18, с. 13]. Разные авторы выделяют разное количество текстовых категорий. Так, В.А. Кухаренко характеризует 12 категорий художественного текста: членимость, связность, перспекция, ретроспекция, антропоцентричность, локально-темпоральная отнесенность, концептуаль-

ность, информативность, системность, целостность, модальность, прагматическая направленность [16, с. 71–79]; И.Р. Гальперин полагает, что «среди категорий грамматики текста... можно упомянуть обусловленность, последовательность, континуум, интегративность, ретроспективность, переакцентуацию, зависимость / независимость отрезков текста, особый тип предикативности, информативность, прагматику, глубину (подтекст) и некоторые другие» [9, с. 48]; в другой, более поздней работе, среди текстовых категорий он называет когезию, автосемантию, ретроспекцию, проспекцию, информативность, завершенность, интеграцию, сцепление, пресуппозицию [10]; Л.К. Чикина к семантическим категориям текста относит пресуппозицию, предупоминание, определенность / неопределенность, модальность, нарративность; а к грамматическим категориям – линейность, отрицание, выделение, актуальное членение, локально-временную отнесенность [30, с. 11–32].

При диахроническом подходе в связи с теорией «открытого текста» (Д.С. Лихачев) иначе интерпретируются такие текстовые категории, как цельность и замкнутость. «В описании макротекста древнерусского периода, вероятно, нерелевантны некоторые признаки текста нашего времени, в том числе признак тематического единства» [13, с. 48]. Анфиладный характер текстов наиболее наглядно проявляется в рукописных и старопечатных сборниках, исследование которых составляет предмет формирующейся отрасли медиевистики – мисцелланологии (термин Т.В. Черторицкой). Средневековые сборники характеризуются как гипертекст, то есть как система одновременно единства и множества текстов. Значимыми чертами гипертекста признаются: нелинейность; фрагментарность, или дисперсность, структуры; многоавторство; аллюзийные связи со множеством текстов; активное взаимодействие с действительностью и воздействие на нее [15, с. 94–99].

Как видим, «поиск критериев, по которым можно противопоставлять тексты и обобщать их по типам», нельзя считать завершенным, поскольку «до сих пор не достигнуто единство мнений ни по вопросу об определении того, что представляют собой категории текста, ни по вопросу о классификации кате-

горий текста», «иерархия категорий текста не ясна и не установлена», не разработан вопрос о том, «как формируется их (текстов) план выражения и какие средства закреплены за той или иной категорией текста» [27, с. 8–10]. В еще большей степени названные проблемы касаются изучения текста в плане языковой диахронии.

Подводя итог анализу состояния дел в лингвистике текста, приведем слова Т.М. Николаевой, которая констатирует: «Размытость терминов и понятий лингвистики текста – не только показатель ее современности (теория “fuzzy grammar”), но и ее онтологическая черта: грамматика текста есть, очевидно, грамматика полей и градуальных переходов, а не система оппозиций дискретных элементов» [22, с. 36–37].

Таким образом, текст, по признанию специалистов, относится к многомерным объектам и как объект изучения представляет собой значительный интерес для гуманитарных наук. Являясь культурным и языковым знаком, текст имеет как универсальные, так и специфические национальные черты структурной организации. История языка во многом может найти свое объяснение в истории текста.

На пути своего становления историческая лингвистика текста должна пройти два этапа: во-первых, исследование конкретных категорий текста, способов и форм их реализации в различных памятниках древнерусской письменности; во-вторых, обобщение результатов исследования и развитие на этой основе теории исторической лингвистики текста.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Ср. высказывание М.М. Бахтина: «Всякое высказывание всегда имеет адресата (разного характера, разных степеней близости, конкретности, осознанности и т. п.), ответное понимание которого автор речевого произведения ищет и предвосхищает... Но, кроме этого адресата (“второго”), автор высказывания с большей или меньшей осознанностью предполагает высшего «наадресата» (“третьего”), абсолютно справедливое ответное понимание которого предполагается либо в метафизической дали, либо в далеком историческом времени... Каждый диалог происходит как бы на фоне ответного понимания незримо присутствующего “тре-

тьего», стоящего над всеми участниками диалога» [5, с. 149–150].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимова, Э. Н. Реализация категории обусловленности в языке памятников письменности русского средневековья (XI–XVII вв.) / Э. Н. Акимова. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2006. – 240 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 136–137.
3. Баженова-Рагина, С. И. Проблема описания структуры текстов Древней Руси / С. И. Баженова-Рагина // Ученые записки Тартуского государственного университета. – 1990. – Вып. 896 : Труды по русской и славянской филологии. – С. 120–130.
4. Баталова, Т. М. Соотношение предикативных и релятивных отрезков текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Баталова Татьяна Михайловна. – М., 1977. – 24 с.
5. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
6. Брудный, А. А. О сознании и тексте / А. А. Брудный // Мысль и текст : сб. науч. тр. – Фрунзе : КГУ, 1988. – С. 3–10.
7. Вежбицка, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицка. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
8. Виноградов, В. В. Избранные труды: О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1980. – 360 с.
9. Гальперин, И. Р. К проблеме зависимости предложения от контекста / И. Р. Гальперин // Вопросы языкознания. – 1977. – № 1. – С. 48–55.
10. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 138 с.
11. Дымарский, М. Я. Проблемы русского текстообразования: сверхфразовый уровень организации художественного текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Дымарский Михаил Яковлевич. – СПб., 1999. – 44 с.
12. Клименко, Л. П. Проблема языка, состава текста и жанра старопечатных памятников письменности XVII–XVIII вв. : в 2 ч. / Л. П. Клименко. – Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 1997.
13. Ковалев, Н. С. Древнерусский литературный текст: проблема исследования смысловой структуры и эволюции в аспекте категории оценки / Н. С. Ковалев. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1997. – 260 с.
14. Колесов, В. В. Древнерусский литературный язык / В. В. Колесов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1989. – 296 с.

15. Курзина, Е. С. Древнерусский сборник как гипертекст (к постановке проблемы) / Е. С. Курзина // Жизнь провинции как феномен духовности. – Н. Новгород : Вектор ГиС, 2004. – С. 94–100.
16. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. – М. : Высш. шк., 1988. – 190 с.
17. Лосева, Л. М. Как строится текст / Л. М. Лосева. – М. : Просвещение, 1980. – 96 с.
18. Матвеева, Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий / Т. В. Матвеева. – Свердловск : Изд-во УГУ, 1990. – 172 с.
19. Матхаузерова, Св. Две теории текста в русской литературе XVII в. / Св. Матхаузерова // Труды Отдела древнерусской литературы. – 1976. – Т. 31. – С. 271–284.
20. Москальская, О. И. Грамматика текста / О. И. Москальская. – М. : Высш. шк., 1981. – 183 с.
21. Москальчук, Г. Г. Структура текста как синергетический процесс : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Москальчук Галина Григорьевна. – Барнаул, 1999. – 43 с.
22. Николаева, Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы / Т. М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1978. – Вып. 8. – С. 5–39.
23. Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1978. – Вып. 8. – 479 с.
24. Поспелов, Н. С. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры / Н. С. Поспелов // Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР. – 1948. – Вып. 2. – С. 43–68.
25. Припадчев, А. А. Гносеология, прагматика и семантика в диахронии синтаксиса текста / А. А. Припадчев. – Воронеж : Курьер, 1992. – 172 с.
26. Солганик, Г. Я. Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое) / Г. Я. Солганик. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1991. – 182 с.
27. Тураева, З. Я. Лингвистика текста (текст: структура и семантика) / З. Я. Тураева. – М. : Просвещение, 1986. – 127 с.
28. Турмачева, Н. А. О типах формальных и логических связей в сверхфразовом единстве : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Турмачева. – М., 1973. – 24 с.
29. Храпченко, М. Б. Текст и его свойства / М. Б. Храпченко // Исследования по древней и новой литературе. – Л. : Наука, 1987. – С. 320–329.
30. Чикина, Л. К. Лингвистика текста / Л. К. Чикина. – Саранск : Изд-во МГУ, 1986. – 84 с.

REFERENCES

1. Akimova E.N. *Realizatsiya kategorii obuslovlennosti v yazyke pamyatnikov pismennosti russkogo srednevekovya (XI-XVII vv.)* [Realization

of an ‘obuslovlennost’ Category in the Middle Age Written Russian Language (11-17th Cen.). Saransk, Izd-vo Mordovskogo universiteta, 2006. 240 p.

2. Arutyunova N.D. Diskurs [Discourse]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990, pp. 136-137.

3. Bazhenova-Ragrina S.I. Problema opisaniya struktury tekstov Drevney Rusi [On the Issue of Old Russian Text Structure Description]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Vol. 896: Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii* [Works on Russian and Slavic Philology], 1990, pp. 120-130.

4. Batalova T.M. *Sootnoshenie predikativnykh i relyativnykh otrezkov teksta: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Coordination Between Predicative and Relational Abstracts of the Text. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow, 1977. 24 p.

5. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [On Aesthetics of Word Creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 423 p.

6. Brudnyy A.A. O soznanii i tekste [On Consciousness and Text]. *Mysl i tekst: sb. nauch. tr.* [Thought in the Text: Collection of Scientific Works]. Frunze, KGU Publ., 1988, pp. 3-10.

7. Vezhbitska A. *Semanticheskie universalii i opisanie yazykov* [Semantic Universals and Language Description]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., 1999. 780 p.

8. Vinogradov V.V. *Izbrannyye trudy: O yazyke khudozhestvennoy prozy* [Selected Works: on the Language of Fiction]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 360 p.

9. Galperin I.R. K probleme zavisimosti predlozheniya ot konteksta [The Issue of a Sentence Dependence on the Context]. *Voprosy yazykoznaviya*, 1977, no. 1, pp. 48-55.

10. Galperin I.R. *Tekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Studies]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 138 p.

11. Dymarskiy M.Ya. *Problemy russkogo tekstoobrazovaniya: sverkhfrazovyy uroven organizatsii khudozhestvennogo teksta: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [On the Issue of the Russian Text Formation: Superphrasal Level of the Fiction Text. Dr. philol. sci. abs. diss.]. St. Petersburg, 1999. 44 p.

12. Klimenko L.P. *Problema yazyka, sostava teksta i zhanra staropechatnykh pamyatnikov pismennosti XVII-XVIII vv.: v 2 ch.* [Language Problem, Genre, Text Constituency of the Old-Printed Texts of the 17-18th Cen. In 2 parts]. Nizhniy Novgorod, Izd-vo NNGU, 1997.

13. Kovalev N.S. *Drevnerusskiy literaturnyy tekst: Problema issledovaniya smyslovoy struktury i evolyutsii v aspekte kategorii otsenki* [Ancient Russian Literal Text : the Problem of Concept Structure and Sense Evolution With the Category of Value]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 1997. 260 p.

14. Kolesov V.V. *Drevnerusskiy literaturnyy yazyk* [Old Russian Literary Language]. Leningrad, Izd-vo LGU, 1989. 296 p.

15. Kurzina E.S. *Drevnerusskiy sbornik kak gipertekst (k postanovke problemy)* [Old Russian Collection of Works as a Hypertext]. *Zhizn provintsii kak fenomen dukhovnosti* [Life in the Province as a Phenomenon of Russian Spirit]. Nizhniy Novgorod, Vektor TiS Publ., 2004, pp. 94-100.

16. Kukhareno V.A. *Interpretatsiya teksta* [Text Interpretation]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1988. 190 p.

17. Loseva L.M. *Kak stroitsya tekst* [How to Build a Text]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1980. 96 p.

18. Matveeva T.V. *Funktionalnye stili v aspekte tekstovykh kategoriy* [Functional Styles Via Text Categories]. Sverdlovsk, Izd-vo UGU, 1990. 172 p.

19. Matkhauzerova Sv. *Dve teorii teksta v russkoy literature XVII v.* [Two Text Theories in Russian Literature]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*, 1976, vol. 31, pp. 271-284.

20. Moskalskaya O.I. *Grammatika teksta* [Text Grammar]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1981. 183 p.

21. Moskalchuk G.G. *Struktura teksta kak sinergeticheskiy protsess: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Text Structure as a Synergetic Phenomenon. Dr. philol. sci. abs. diss.]. Barnaul, 1999. 43 p.

22. Nikolaeva T.M. *Lingvistika teksta. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [Text Linguistics]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [Modern Ideas in Foreign Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1978, iss. 8, pp. 5-39.

23. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [Modern Ideas in Foreign Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1978. Iss. 8. 479 p.

24. Pospelov N.S. *Slozhnoe sintaksicheskoe tseloe i osnovnye osobennosti ego struktury* [Complex Syntactic Unity and Its Main Structural Peculiarities]. *Doklady i soobshcheniya Instituta russkogo yazyka AN SSSR* [Reports and Notes of the Russian Language Institute], 1948, iss. 2, pp. 43-68.

25. Pripadchev A.A. *Gnoseologiya, pragmatika i semantika v diakhronii sintaksisa teksta* [Gnoseology, Pragmatics, Semantics in the Aspect of Text Syntax]. Voronezh, Kuryer Publ., 1992. 172 p.

26. Solganik G.Ya. *Sintaksicheskaya stilistika (Slozhnoe sintaksicheskoe tseloe)* [Syntactic Stylistics: Complex Syntactic Unity]. 2nd ed., rev. and add. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991. 182 p.

27. Turaeva Z.Ya. *Lingvistika teksta (tekst: struktura i semantika)* [Text Linguistics (Text: Structure and Semantics)]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1986. 127 p.

28. Turmacheva N.A. *O tipakh formalnykh i logicheskikh svyazey v sverkhfrazovom edinstve:*

avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk [On the Types of Formal and Logical Relations in Superphrasal Unity. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow, 1973. 24 p.

29. Khrapchenko M.B. *Tekst i ego svoystva* [Text and Its Peculiarities]. *Issledovaniya po drevney*

i novoy literature [Investigations on Ancient and New Literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, pp. 320-329.

30. Chikina L.K. *Lingvistika teksta* [Text Linguistics]. Saransk, Izd-vo MGU, 1986. 84 p.

TEXT LINGUISTICS IN DIACHRONY AND SYNCHRONY

Elvira Nikolaevna Akimova

Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language,

Ogarev Mordovia State University

kafedrarusyaz@mail.ru

Bolshevistskaya St., 68, 430005 Saransk, Russian Federation

Abstract. The article concerns main issues of the text linguistics in synchrony and diachrony. It is mentioned that the historical text linguistics as an integrated theory has not been formulated in Russian linguistics yet. There exist only some works on separate subjects of this theory.

The specific features of using the term *discourse* in diachronic research works are described, a lot of definitions of the notion *text* are given. The impossibility of giving a general definition of the term *text* is explained by the complexity as well as multiversity of it as an object that has versatile functions, being both a means of communication and an information transfer, the reflection of psychological life of a human, and a product of a definite historical epoch; a form of culture existence and reflection of social and cultural tradition. The author defines main peculiarities of a middle aged written text: dignity and norm, the rolling stages –substantial and rational - are characterized. As some text units (phrase, verse) are not relevant for language diachrony, the author explains the usage of the term *structure and content unity*.

One more issue of the modern text theory, namely the quantity and content of the text categories, is offered for discussion; in the light of synchrony and diachrony it has an ambiguous answer. The categories of integrity and completeness of the text are interpreted differently due to the enfilade principle of a text.

Key words: text linguistics, diachrony, synchrony, discourse, text category, text unit, structure-and-content unity.